

Тихонова Анастасия Владимировна

ДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ПЛЕННЫХ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена мероприятиям, проводимым российскими властями в отношении военнопленных (в особенности турок) в ходе Крымской войны 1853-1856 годов. На основе нормативно-правовых документов и архивных источников рассмотрена деятельность центральных и местных органов власти по конвоированию, размещению, обеспечению продовольствием, одеждой, обувью и денежным содержанием пленных, а также попытки урегулирования конфликтов между ними и местным населением.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 184-189. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

LOCAL SELF-GOVERNMENT OF PERM' PROVINCE IN 1917 AND QUESTIONS OF EDUCATION

Teterin Vadim Igorevich
Perm' State Agricultural Academy
teterinvi@gmail.com

The author reviews the activity of local self-government in the sphere of people's enlightenment in Perm' province in 1917, tells that the February Revolution played a significant role in the fate of zemstvos and town councils, and under the conditions of struggle for political power education was one of the most important directions of their work, mentions that modern historiography reflects only general trends, undertakes an attempt to analyze the regional features of enlightenment policy, and by Perm' province materials considers new phenomena in this sphere caused by revolutionary situation.

Key words and phrases: local self-government; revolution; education; zemstvo; city councils; local history.

УДК 94(4)

Исторические науки и археология

Статья посвящена мероприятиям, проводимым российскими властями в отношении военнопленных (в особенности турок) в ходе Крымской войны 1853-1856 годов. На основе нормативно-правовых документов и архивных источников рассмотрена деятельность центральных и местных органов власти по конвоированию, размещению, обеспечению продовольствием, одеждой, обувью и денежным содержанием пленных, а также попытки урегулирования конфликтов между ними и местным населением.

Ключевые слова и фразы: Крымская война; органы власти; военнопленные; турки; Смоленск; Рославль.

Тихонова Анастасия Владимировна, к.и.н., доцент
Смоленский государственный университет
a.v.tikhonova@gmail.com

ДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ПЛЕННЫХ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ©

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-01-00157).

В ходе Крымской войны 1853-1856 гг. на территории России появилось значительное число военнопленных, что потребовало от властей разработки специального законодательства. При этом учитывался не только прежний отечественный опыт, но и нормы международного права [4, с. 154]. «Высочайше утвержденным 16 марта 1854 года Положением о военнопленных Турецкой службы» [5] и последовавшими за ним Высочайшими повелениями для местопребывания военнопленных были определены конкретные губернии: для англичан – Рязанская (для офицеров) и Воронежская (для нижних чинов), для французов – Калужская (для офицеров) и Тамбовская (для нижних чинов), для турок – Тульская (для офицеров) и Смоленская, Орловская, Курская, Вологодская, Владимирская, Ярославская и Пензенская (для нижних чинов) [2, д. 351, л. 1]. В Костромской губернии размещались «военнопленные иностранцы, взятые в рядах английских, французских и турецких войск», а в Киев отправлялись венгерцы (кроме захваченных в европейской части Турции), поляки и австрийцы [Там же].

12 января 1855 года командир Орловского внутреннего гарнизонного батальона Саблин в рапорте военному губернатору города Смоленска и гражданскому губернатору Н. А. Ахвердову сообщал, что в Смоленск направляется партия пленных турок нижних чинов в количестве 104 человека в сопровождении 22 рядовых и 3 унтер-офицеров Орловского батальона [Там же, д. 342, л. 1 – 1 об.]. В рапорте также содержалась просьба об отдаче соответствующих распоряжений по размещению, питанию и обеспечению подводами «означенной партии» по прилагаемому маршруту следования по территории Смоленской губернии. До этого военнопленные уже пределали большой путь в Харьков, затем в Курск и Орел.

Из отношения Курского губернского правления от 31 декабря 1854 года, полученного в Смоленске 17 января 1855 года, следовало, что из Харькова в Курск должны были прибыть 20 обер-офицеров и 363 нижних чина пленных турок. По решению Курского губернского правления, они были разделены на три группы: одна оставлена в Курске, а две другие отправлены в Орел и Смоленск [Там же, л. 17 – 17 об.]. Из рапорта командира Курского гарнизонного батальона начальнику Курской губернии от 7 января 1855 года известно, что в Курск прибыло 17 обер-офицеров и 312 нижних чинов, из них сданы под надзор Курской градской полиции 104 нижних чина, остальные отправлены далее в Орел [Там же, л. 18-19]. Позже выяснилось, что Харьковское начальство предполагало распределить пленных между Тулой, Курском, Орлом и Смоленском в другом количественном соотношении, но дело было уже сделано [Там же, л. 20-22].

Итак, военный губернатор Смоленска и гражданский губернатор Н. А. Ахвердов вынужден был решать проблему размещения партии в 104 военнопленных турок. 29 января губернатор писал Рославльскому городничему (Рославль был обозначен в маршруте, и пленные должны были прийти туда 2 февраля 1855 года [Там же, л. 8]), что «в Смоленске имеются уже пленные турки» в количестве 68 человек [Там же, л. 14 об.], и «здесь квартирует постоянно значительное число войск» [Там же, л. 7 об.], а потому губернатор просил разместить партию в 104 человека в Рославле [Там же, л. 14 об.]. Размещение пленных в уездных городах губернии было разрешено по Высочайшему повелению, о котором уведомил губернатора Главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями в своем предписании от 30 августа 1854 года [Там же, л. 12, 14].

Пленных турок губернатор предлагал поместить на обывательских квартирах (что допускалось § 35 Высочайше утвержденного Положения о пленных 16 марта 1854 года [Там же, л. 14 об.]). За размещенными таким образом пленными следовало учредить «строжайший надзор, дабы со стороны их не было допускаемо никаких беспорядков, равным образом, чтобы не было повода к справедливым жалобам с их стороны, и чтобы обид и насмешек им жителями отнюдь делавемо не было» [Там же, л. 15]. Губернатор уведомлял городничего, что уже дал казенной палате распоряжение об отпуске кормовых денег, необходимых на содержание военнопленных, а надзор поручил осуществлять инвалидной команде, о чем «сообщено Командиру гарнизонного батальона» [Там же, л. 8-9].

Согласно Положению о пленных, Высочайше утвержденному 16 марта 1854 года, туркам нижних чинов полагалось по 9 копеек серебром в сутки (это было сокращение вдвое денежного содержания в сравнении с Положением 1829 года и совпадало с предписаниями 1853 года). Провиант на человека, по Положению 1854 года, составлял $1\frac{3}{4}$ фунта сухарей или 3 фунта печеного хлеба, $\frac{1}{4}$ фунта круп и 5 золотников соли и $\frac{1}{2}$ фунта мяса в день (золотник равен 4,265 г, фунт равен 409,5 г [5]). Эта норма была увеличена в сравнении с Положением 1829 года и предписаниями 1853 года [1, с. 53]. Нормы довольствия пленных, согласно Положению 1854 года, «были близки к довольствию солдат русской армии, а пашам генеральских чинов назначалось содержание генералов российского военно-сухопутного ведомства. Снабжение пленных транспортом тоже осуществлялось по нормам, принятым в русской армии» [4, с. 154]. По Положению 1854 года собственность пленных была неприкосновенной, деньги и ценности им полагалось вернуть при репатриации [1, с. 54].

2 февраля 1855 года партия пленных турок прибыла в Рославль, о чем городничий поспешил рапортовать губернатору. В составе партии оказалось 103 человека (поименный список прилагался) [2, д. 342, л. 30 – 31 об.]. Впоследствии выяснилось, что один пленный был «за болезнью оставлен в Карачевской градской больнице» [Там же, л. 43], а затем присоединился к рославчанам. Городничий в тот же день в новом рапорте начальнику губернии предложил использовать пленных на работах по благоустройству города, оплачивая их труд поденно [Там же, л. 28 – 28 об.]. Однако городничий свидетельствовал, что многие из прибывших имели одежду и обувь столь ветхую, что «починкою исправлена быть не может» [Там же, л. 29].

18 февраля 1855 года командир Орловского внутреннего гарнизонного батальона Саблин в новом рапорте Смоленскому губернатору сообщал, что в Смоленск направляется еще одна партия пленных турок в количестве 63 человек в сопровождении 11 рядовых и 1 унтер-офицера Орловского батальона [Там же, л. 32]. 25 февраля 1855 года Смоленский губернатор дал предписание Рославльскому городничему, что и этих турок следует оставить в уездном городе на обывательских квартирах под надзором инвалидной команды. Все зависящие от начальника губернии распоряжения он сделал (казенной палате, командиру Смоленского внутреннего гарнизонного батальона) [Там же, л. 33-38]. 28 февраля 1855 года губернатор поставил в известность Рославльского городничего, что, по Высочайшему повелению, пленных возможно использовать «для очищения улиц и для других городских надобностей» [Там же, л. 41 – 41 об.].

Согласно рапорту городничего, военному губернатору Смоленска и гражданскому губернатору Н. А. Ахвердову от 19 марта 1855 года новая партия турок, попавших в плен под Александрополем (судя по приложенному поименному списку), в количестве 63 человек (2 фельдфебеля и 10 унтер-офицеров, 41 нижний чин) уже прибыла в Рославль [Там же, л. 60]. И эти пленные были в крайне изношенной одежде и обуви, так как они добирались из Курска через Орел в Смоленск без смены обмундирования [Там же, л. 63].

На основании § 38 Положения о пленных губернаторы ежемесячно доставляли в Инспекторский Департамент Военного Министерства перечневые ведомости, а также именные списки о пленных офицерского звания [Там же, д. 351, л. 1]. Смоленский губернатор, получив сведения от Рославльского городничего, также информировал Инспекторский Департамент Военного Министерства о размещении военнопленных и ежемесячно предоставлял ведомость об их численности [Там же, д. 342, л. 46 – 48 об., 69, 82].

Пребывание в уездном городе большого числа пленных турок (167 человек, один из них находился в больнице, где в апреле 1855 года умер) [Там же, л. 81] не обошлось без эксцессов. Об этом сообщили городскому голове в своих жалобах трое рославчан, и он секретным рапортом от 13 апреля 1855 года доложил о случившемся губернатору [Там же, л. 71-72]. Последний потребовал разобраться [Там же, л. 75-76], но не успел дожидаться от рославльской полиции ответа, как получил новый секретный рапорт от местного городского головы от 30 апреля 1855 года: «Пленные турки час от часу начинают шалить, не имея надлежащего присмотра...», проявляли неповиновение капитану инвалидной команды, а иногда без охраны выходили из города. Был случай, когда пленные турки гнались за девушкой, которая несла еду отцу в поле [Там же, л. 77-78]. Губернатор вновь потребовал объяснений от городничего.

Городничий написал 25 мая 1855 года пространный рапорт за № 56, в котором признавал: инвалидная команда плохо следит за пленными; местные жители из любопытства сами стараются познакомиться

с турками и даже «зывают их в дом». В случае виновности пленных, они «подвергались по мере вины полицейскому аресту, тюремному заключению, и даже в разное время одиннадцать человек были наказаны телесно» [Там же, л. 87 об.]. Жалобы же трех горожан, по мнению городничего, не обоснованы. Конфликт с капитаном инвалидной команды произошел по недоразумению, а виновного пленного пришлось освободить из-под ареста по болезни [Там же, л. 88 – 89 об.]. В архивном деле сохранились и сами жалобы рославчан, в которых упоминаются претензии: отсутствие должной стражи, «могущей вполне усмирить их при случающихся буйных и самовольных разгулах» [Там же, л. 96 об.], драки с участием турок, употребление ими вина, опасения по поводу возможных пожаров (в связи с курением трубок и выбрасыванием «из комнатных печей в окна горящие головни») [Там же], наконец, несвоевременная и неполная оплата со стороны городничего за постой турок. Сегодня трудно судить, насколько жалобы горожан отражали реальную ситуацию, но, несомненно, сама скученность в маленьком уездном центре турок, имевших иные язык, культуру и вероисповедование, не могла не привести к конфликтам с местным населением. Отношение последнего к туркам в Рославле, как впрочем, и в целом в провинции, «отличалось любопытством и настороженностью» [4, с. 162].

Получив все бумаги с жалобами и рапорт городничего с оправданиями, губернатор потребовал от городской полиции навести порядок и оплатить постой. Он явно не желал подробно разбираться в ситуации [2, д. 342, л. 98 – 98 об.]. Квартирные деньги были выплачены в августе 1855 года [Там же, л. 110].

О ветхости одежды турок губернатор сообщил в Инспекторский Департамент еще в марте 1855 года, ответа же дождался лишь в июне: пленным предписывалось одеть и обувь, получив все необходимое от командира гарнизонного батальона (на основании уже упоминаемого Положения о пленных) [Там же, л. 99 – 99 об.]. Губернатор дал указания командиру батальона, рославльскому городничему и смоленскому полицмейстеру (последнему в отношении турок, расквартированных в Смоленске) [Там же, л. 100 – 103 об.]. К проблеме обеспечения военнопленных одеждой губернатору еще не раз пришлось возвращаться.

В мае-августе 1855 года последовало несколько циркуляров от Военного ведомства и Министерства внутренних дел. Циркуляром Военного Министра от 2 мая 1855 года было предусмотрено в списках указывать имена и на иностранном языке (для «англо-французов»), чтобы избежать ошибок [Там же, д. 350, л. 1]. Однако в циркуляре Министра внутренних дел гражданским губернаторам от 17 июня 1855 года за № 145 признавалось, что их избежать не удалось, например, таких, как отправка пленных не в те губернии [Там же, д. 351, л. 1 об.]. Министр внутренних дел напоминал начальникам губерний, что в мае 1855 года Высочайшим повелением для размена французских военнопленных на русских все французские пленные немедленно должны были быть направлены в Одессу [Там же]. Австрийцы по-прежнему отправлялись в Киев, а подданные германских держав, сражавшиеся в составе англо-французских войск, – в Костромскую губернию [Там же, л. 3].

10 августа 1855 года министр внутренних дел сообщал своим предписанием за № 1582 начальнику Смоленской губернии о Высочайшем повелении по размену пленных: с согласия французского правительства на русских можно было обменивать турок, находившихся в плену в России. Поэтому предписывалось отправлять в Одессу «в распоряжение Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, половинное число всех турецких пленных нижних чинов, проживающих в Смоленской губернии» [Там же, д. 332, л. 1]. На 19 августа 1855 года, как упоминал Смоленский губернатор в предписании командиру Смоленского внутреннего гарнизонного батальона, в Смоленске проживало 73 турка [Там же, л. 4]. Из приложенного к предписанию поименного их списка следовало, что 64 из них были пленены в Синопском сражении в октябре 1853 года, а 9 («вновь прибывшие») взяты в плен «под Тульчию на Дунае в марте месяце 1854 года» [Там же, л. 6 – 7 об.].

Рославльским городничим 23 августа 1855 года был составлен поименный список пленных турок из 161 человека. В списке была помета, что один из них – Махмуд Вели – пожелал принять подданство России и перейти в православие, «и по последовавшему разрешению Начальства ныне готовится духовенством к принятию таинства Святого крещения» [Там же, л. 18]. В примечании к списку указано, что «все означенные пленные турки 5-го пехотного полка, взятые отрядом генерала Бебутова при Александрополе и один из них значущийся под № 101-м Измаил Гусейн взят при Журже но каким порядком и которого числа не знает. Сверх того из числа обеих партий (1-я из 104 человек, прибывшая 2 февраля, и 2-я из 63 человек, прибывшая 8 марта 1855 года [Там же, л. 15] – А. Т.) в г. Рославле умерли по три человека, всего шесть человек, которые в сем списке не помещены» [Там же, л. 19 об.].

Смоленский губернатор принял решение отправить в Одессу сначала 117 военнопленных турок (всех 73 «смоленских» и только 44 «рославльских»), о чем сообщил командиру внутреннего гарнизонного батальона [Там же, л. 24]. Урегулировали вопросы с кормовыми деньгами, обеспечением подводами и сопровождением конвоем из 5 рядовых и 1 унтер-офицера [Там же, л. 36], был обозначен маршрут следования [Там же, л. 43-44]. Но перед отправкой в Одессу остро встал вопрос об обмундировании пленных.

«По Табели Высочайше утвержденной в 11-й день февраля 1855 года приложенной при приказе г. Военного Министра от 24-го Февраля за № 41, – определено обмундирование военнопленным Туркам Европейским выдавать из серого армейского сукна фуражную шапку, куртку, зимние брюки, шинель, рукавицы, галстук черного сукна, рубах две, сапогов две пары и полушубок, а для азиатских употреблять на прописанные вещи сукно крестьянское» [Там же, д. 342, л. 14 – 14 об.]. В Смоленске «крестьянского сукна» не оказалось, командир Смоленского внутреннего гарнизонного батальона Белановский предложил закупить у местного купечества «фабриканское сукно» в необходимом количестве [Там же, л. 55 – 55 об.]. Это предложение обсуждалось, потребовало представления образца ткани (в архивном деле даже сохранился фрагмент сукна) [Там же, приложение к л. 67], и, наконец, необходимые вещи для 53 «азиатских турок» были готовы [Там же, л. 68].

Партия пленных из Смоленска прибыла в Рославль 23 сентября 1855 года, но «один из турок Али Ахмед замеченный в пути следования в дурных поступках и грубости против партионного офицера и по объявлении им о сем Г. Городничему, который приказал упомянутого турка отчислить от партии и передать для отправления за караулом посредством этапа; согласно чего, этот турок и отправлен при открытом листе за № 1051, выданном от Городничего 29-го числа сентября по тракту на г. Мглин». 26 сентября 1855 года теперь уже 72 пленнх из Смоленска и присоединенные к ним 44 пленнх из Рославля, получившие полагающиеся одежду и обувь, были отправлены в Одессу [Там же, л. 60 – 60 об.].

В конце сентября начальник губернии узнал о циркуляре командира Отдельного корпуса внутренней стражи от 25 августа 1855 года и, соответственно, смог сообщить о новом документе полиции в городах и уездах. Циркуляр предписывал организовать на местах точный учет военнопленнх. В нем было сказано, «чтобы о всех военнопленнх, находящихся внутри империи, в разных губернских и уездных городах, командиры внутренних гарнизонных батальонов, представляли в Корпусный штаб, по прилагаемой форме, по истечении каждого месяца ведомости, о состоянии и численности всех военнопленнх, находящихся в Губернии, с показанием, к какой именно они принадлежат нации, в каких войсках служили, какие имеют чины, а также объяснять, сколько в течение месяца их прибыло, откуда именно и какая последовала убыль: смертью пленнх, отправлением их в другие места, или для размена» [Там же, л. 114 – 114 об.]. «О партиях военно-пленнх, а равно и о пересылаемых по одиночке в другие губернии посредством этапов показывать вкратце под графю» [Там же, л. 115]. Форма подробной ведомости с образцом заполнения прилагалась [Там же, л. 116 – 116 об.].

Судя по ведомостям, составленным в соответствии с формой, в сентябре 1855 года их было 161 человек (1 пожелал принять православие и был крещен) [Там же, л. 109, 118], в октябре – 116 человек (44 человека покинули Рославль, отправившись «для размена на русских в г. Одессу по Высочайшему повелению», 1 умер) [Там же, л. 120]. Это число оставалось неизменным и в ноябре, и в декабре 1855 года. На отпуске же препроводительного письма к очередной ведомости, которое было датировано 5 января 1856 года, стоит лаконичная помета: «За отправлением пленнх в г. Одессу дело кончить» [Там же, л. 126].

В Смоленск пленные турки прибывали и в ноябре 1855 года. Например, 5 ноября 1855 года из Орла в Смоленск добрались 5 турок, которых разместили «под надзором полиции» на квартире в 3-й части города. Из приложенного к рапорту Смоленского полицмейстера Смоленскому гражданскому губернатору именного списка прибывших турок следует, что они были пленены в сражении под Александрополем 15 ноября 1853 года [Там же, д. 738, л. 2]. Смоленский полицмейстер спрашивал у начальника губернии распоряжения о снабжении пленнх кормовыми деньгами [Там же, л. 1], что и было сделано из общих губернских фондов (как полагалось по 9 копеек серебром в сутки) [Там же, л. 4 об.]. Турки, по распоряжению губернатора, должны были находиться под присмотром главного лекаря военного госпиталя г. Смоленска [Там же, л. 5], а командир Смоленского внутреннего батальона должен был позаботиться о снабжении пленнх одеждой и обувью [Там же, л. 5 об. – 6]. Эти же турки были указаны в ведомости, представленной губернатором в Инспекторский Департамент Военного министерства 12 января 1856 года [Там же, л. 11]. В марте 1856 года в Смоленск был препровожден на жительство еще один пленный из Курской губернии, некто Али Мустафа Оглу [Там же, л. 12, 15].

14 марта 1856 года министр внутренних дел писал начальнику Смоленской губернии, что по Высочайшему повелению следует выслать в Одессу для размена всех военнопленнх турок, находившихся в губернии, уведомив предварительно Инспекторский департамент Военного министерства [Там же, д. 332, л. 76 об.]. К этому времени, как уведомил министра внутренних дел Саксонский посланник в Париже барон Зебах, по сообщению графа Валуевского, «все русские пленные, находящиеся в руках французов, в числе 2771 чел. Из коих 106 офицеров, будут освобождены и направлены в Одессу, частью из Тулона, частью с Острова Принчино.

По всеподданнейшему докладу о сем Государю Императору, Высочайше повелено: выслать в Одессу, для размена, оставшихся у нас на жительстве до 1200 нижних чинов и 69 штаб и обер-офицеров и независимо от сего, до 1500 нижних чинов и 50 офицеров из числа Карского гарнизона» [Там же, л. 76].

Двумя днями ранее – 12 марта 1856 года – военный министр предписал отправить Одессу в распоряжение Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора «всех находящихся на жительстве в Губерниях: Орловской, Ярославской, Владимирской, Курской, Вологодской, Пензенской и Смоленской, – турецких пленнх нижних чинов и в Тульской губернии турецких штаб и обер-офицеров, а также из числа бывшего Карского гарнизона 50 обер-офицеров и 1662 нижних чинов следующих из Новочеркаска на г. Воронеж» [Там же, л. 78 – 78 об.].

Губернатор сделал соответствующие предписания, и Рославльский городничий в своем рапорте от 28 марта 1856 года доносил начальнику губернии, что в Одессу могут отправиться 114 пленнх турок, но «все они без исключения нуждаются в соответствующем настоящему времени обмундировании и обуви исключая полшубков» [Там же, л. 87]. Смоленский полицмейстер 2 апреля 1856 года сообщил о 5 турецких военнопленнх, и лишь один из них не имеет необходимой одежды [Там же, л. 89 – 89 об.]. После предписания губернатора Ахвердова командиру Смоленского внутреннего гарнизонного батальона полковнику Белановскому о необходимости обмундирования военнопленнх, тот в рапорте отвечал: «для военнопленнх турецких нижних чинов, рубахи и сапоги построены, и шинелей, курток с шароварами и фуражек, при вверенном мне батальоне из крестьянского сукна по недоброкачественности оно, производить постройку таковым вещам, упомянутым туркам совершенно не могу, потому что в одежде этой не могут доследовать до места их назначения», а поэтому «2-го сего апреля за № 5506, – прошу я Московскую комиссариатскую

комиссию разрешения, обмундировать пленных турецких нижних чинов одеждою из фабриканских сукон», и сразу при получении сукна обещал быстро «построить означенные одежды» [Там же, л. 91 об.].

Пока решался вопрос об обмундировании для «смоленских» турок, 11 мая 1856 года в Рославль прибыла очередная партия турецких военнопленных в сопровождении поручика Витебского гарнизонного батальона. Она следовала в Витебскую губернию «для жительства». Рославльский городничий партию остановил и в рапорте начальнику губернии от 12 мая 1856 года просил распоряжений для дальнейших действий, добавляя при этом, что «вся партия турок имеет совершенно негодную одежду и даже некоторые оборвались до безобразия» [Там же, л. 93 – 93 об.]. Затем выяснилось, что эти военнопленные из Карского гарнизона вышли из Харькова и 27 апреля 1856 года прибыли в Карачев Орловской губернии, откуда и отправились в Витебск, выступив из Карачева еще до получения Орловским губернатором указаний об отправке пленных в Одессу [Там же, л. 94].

Теперь и вновь прибывших следовало одеть: на 112 человек необходимые вещи были изысканы, а на одежду остальным командир Смоленского внутреннего гарнизонного батальона Белановский просил выделить денег из казенной палаты [Там же, л. 98]. К тому же Московская комиссариатская комиссия в просьбе отказала, и Белановский рапортовал, что вынужден «немедленно приступить к постройке вещей из крестьянского сукна», несмотря на его низкое качество [Там же, л. 99 об.]. 28 мая 1856 года Белановский рапортовал губернатору, что обмундирование для 5 турок из Смоленска и 114 турок из Рославля готово, определены конвойные для следования в Одессу [Там же, л. 103-104]. Губернатор распорядился казенной палате выдать кормовые деньги и «потребное число контрмарок для взывания обывательских подвод, на случай больных и под своз тяжестей, полагая на каждые 25 человек больных по одноконной обывательской подводе и под своз тяжестей на каждые 12 человек также по одной одноконной подводе» [Там же, л. 106]. 5 июня 1856 года партия из 5 человек отправилась из Смоленска через Рославль в Одессу [Там же, л. 114]. 14 июня 1856 года к ним присоединились 114 турок из Рославля [Там же, л. 123 об.].

Для партии турок, прежде направлявшихся в Витебск, Московская комиссариатская комиссия необходимые материалы отправила 7 июня 1856 года [Там же, л. 122]. В результате эта партия была обмундирована и подготовлена для следования в Одессу. 16 июля 1856 года она выступила из Рославля (с присоединением еще 6 человек, находившихся прежде в городских больницах «для выздоровления»). Таким образом, всего в партии было 300 человек пленных в сопровождении 3 унтер-офицеров и 20 рядовых [Там же, л. 129 – 129 об., 135]. В Рославле был оставлен лишь Ахмед Магомедов Оглы, пожелавший принять присягу на верность России и православную веру [Там же, л. 137 – 137 об.].

7 декабря 1856 года министр внутренних дел С. Ланской подписал секретный циркуляр начальникам губерний за № 225 «О доставлении списков оставшимся в России, после бывшей войны, лицам из иностранных войск». Предписывалось отдельно составить списки: 1) желавших принять российское подданство, а турок – и православие; 2) тех, кто, не желая принять российское подданство, будет выслан за границу; 3) находящихся в российских госпиталях, которые смогут выбрать, принимать ли подданство или быть высланным; 4) тех, кто останется в России по каким-то иным причинам. В списках сведения должны были указываться подробно (с упоминанием «нации», имени на иностранном языке, местонахождения «для успокоения их родственников или для устройства наследственных или других частных дел их в отечестве»). В случае же смерти военнопленных и других лиц, оставшихся в России после войны, следовало «без всякого замедления» доставить в Инспекторский департамент Военного министерства «установленные свидетельства» [3, д. 476, л. 1 – 1 об.].

Губернатор, получив циркуляр, разослал его уездным городничим и исправникам [Там же, л. 2 – 3 об.]. Из полученных от них рапортов известно, что военнопленных на территории Смоленской губернии к этому времени уже не было. Рославльский городничий при своем рапорте от 23 февраля 1857 года представил «именные списки о числе умерших и окрещенных военнопленных турок из числа находившихся в 1855 и 1856 годах в городе Рославле», указав, что один турок, принадлежавший к партии, которая проходила через Рославль, направляясь в Смоленск, умер в 1854 году [Там же, л. 18]. Ровно через год 14 февраля 1858 года губернатор потребовал от городничего вновь представить списки и установленные свидетельства о смерти военнопленных [Там же, л. 33]. 12 марта 1858 года при рапорте городничего таковые документы были отправлены на имя губернатора [Там же, л. 34].

Смоленская губерния приняла лишь турецких военнопленных, в то время как Крымская война стала крупным военным конфликтом, в который были вовлечены и страны Европы (в первую очередь, участники коалиции против России – Великобритания, Франция, Сардиния. Вступлением в войну угрожали России Пруссия, Австрия и Швеция). В результате Крымской войны рухнула Венская система, сложившаяся в Европе после наполеоновских войн [1, с. 51]. По данным Инспекторского департамента Военного министерства 1856 года, в русский плен попали «около 15000 человек (турок – 11431 рядовой и 958 офицеров, французов – 1353 рядовых и 72 офицера, англичан – 595 рядовых и 47 офицеров, сардинцев – 63 рядовых и 4 офицера). К концу 1856 года из них вернулось на родину около 12000 (турок – 9146 рядовых и 823 офицера, французов – 1214 рядовых и 55 офицеров, англичан – 556 рядовых и 47 офицеров, сардинцев – 63 рядовых и 3 офицера). В плену умерло около 2000 человек (турок – 1673 рядовых и 127 офицеров, французов – 137 рядовых и 17 офицеров, англичан – 38 рядовых). Из взятых в плен в России осталось на жительстве 4 человека (сардинский офицер, два француза и англичанин)» [Там же, с. 53]. Полнота сведений Инспекторского департамента вызывает сомнения [4, с. 154]. Ведь и в Смоленской губернии известны случаи перехода турок в русское подданство и выбор России местом жительства. Важной особенностью Крымской войны, как справедливо отмечает В. Б. Миловидов, был «периодически практиковавшийся с середины 1854 г. размен пленных» [Там же].

Документы свидетельствуют также и о том, что российское правительство дифференцированно подходило к военнопленным туркам и европейцам, последним было увеличено денежное содержание, одежда офицерам шилась из гвардейских материалов. Такой дифференцированный подход, по мнению В. А. Бессонова, «основывался на традиционном тяготении России к Европе и политической демонстрации подчеркнута лояльного отношения к подданным европейских держав, которые стали противниками по “недоразумению” и не рассматривались как враги» [1, с. 54]. В 1856 году обмен пленными был осуществлен, и пребывание на территории Российской империи военнопленных Крымской войны стало историей.

Список литературы

1. **Бессонов В. А.** Военнопленные Крымской войны 1853-1856 гг. в Калужской губернии // Труды регионального конкурса в области гуманитарных наук. Калуга: Полиграф-Информ, 2006. Вып. 7. С. 51-63.
2. **Государственный архив Смоленской области (ГАСО).** Ф. 1. Оп. 2. 1855 г.
3. **ГАСО.** Ф. 1. Оп. 3. 1856 г.
4. **Миловидов Б. П.** Иностранцы военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // Российская история. 2010. № 5. С. 153-164.
5. **Полное собрание законов Российской империи.** Собрание 2-е. Т. XXIX. Ч. 1. № 28038 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 27.04.2013).

**CENTRAL AND LOCAL AUTHORITIES ACTIONS IN RESPECT
OF CAPTIVES DURING THE CRIMEAN WAR**

Tikhonova Anastasiya Vladimirovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Smolensk State University
a.v.tikhonova@gmail.com

The author discusses the actions, which were carried out by the Russian authorities in respect of captives (especially the Turks) during the Crimean War of 1853-1856, and basing on normative-legal documents and archival sources considers central and local authorities activity on conveying, placement, the provision of food, clothing, footwear and monetary maintenance for the captives, as well as the attempts to resolve the conflicts between them and local population.

Key words and phrases: the Crimean War; authorities; captives; the Turks; Smolensk; Roslavl'.

УДК 7.046.3:232.246

Искусствоведение

Статья посвящена формированию новых иконографий в иконе рубежа XX-XXI веков. На Соборах конца XX века было прославлено около 2000 святых, иконография большинства из которых не сформирована. Проблемной стороной этого вопроса служит изображение исторических деталей – одежд, атрибутов, ландшафтов, портретных черт новоканонизированных святых. Автором очерчивается пласт литературы по этому вопросу. Кроме того, акцентируется внимание на появлении ложных икон, откликающихся на исторические реалии, но фактически не принятых Церковью.

Ключевые слова и фразы: икона; иконография; канонизация; новопрославленные святые; портретные черты; ложные иконы.

Трапезникова Анастасия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
trapeznikova_as@mail.ru

**К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ИКОН НОВОПРОСЛАВЛЕННЫХ СВЯТЫХ
НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ©**

В череде проблем, которые определяют современное церковное искусство России, одной из главных является создание новой иконографии. Этот вопрос всегда стоял перед иконописанием, и процесс его решения был достаточно длительным. Но и после принятия определенных установлений Церковью он не прекращался, постоянно претерпевая корректировки. Иконное изображение появляется обычно раньше официального акта канонизации. Известны примеры, когда подвижников церкви начинали писать сразу после смерти, хотя канонизация возможна лишь по истечении 30 лет с этого момента. Таким примером может стать, например, почитание св. прп. Серафима Саровского, начавшееся сразу после смерти святого.

Церковное искусство рубежа XX-XXI веков носит характер в большей степени стилизаторского явления, которое основывается на выборе и подражании определенной стилистике. Так, создание иконографии